

*Посвящается Яне,
которая появилась в самый нужный момент*

Если кто-то придет убить тебя,
Встань и убей его первым.

*Вавилонский Талмуд,
трактат Санхедрин,
часть 71, стих 1*

СОДЕРЖАНИЕ

Об источниках	11
Пролог	14
1. В крови и огне	22
2. Рождение тайного мира	39
3. Бюро по организации встреч с Господом Богом	56
4. Все верховное командование, одним ударом	69
5. Как будто небеса обрушились на наши головы	77
6. Серия катастроф	100
7. «Вооруженная борьба — это единственный путь к освобождению Палестины»	118
8. Меир Даган и его «ноу-хау»	135
9. ООП выходит на международную арену	150
10. «У меня не возникало проблем ни с кем из тех, кого я убил»	167
11. «Неправильное определение цели — это не неудача, это ошибка»	187
12. Высокомерие	198
13. Смерть в зубной пасте	219
14. Стая диких собак	236
15. «Абу Нидал, абу Шмидал»	259
16. Черный флаг	272
17. Заговор в Шин Бет	286
18. И тогда воспламенилась искра	304
19. Интифада	329
20. Навуходоносор	347

21. Приближается зеленая буря	365
22. Эпоха дронов	383
23. Месть Мугние	398
24. «Всего один выключатель: “выкл.” — “вкл.”»	408
25. Принесите нам голову Айяша	422
26. «Хитер и увертлив, как змея... наивен, как малый ребенок»	443
27. Низшая точка	464
28. Тотальная война	480
29. «Подрывников-самоубийц больше, чем поясов смертников»	494
30. «Цель ликвидирована, но операция потерпела неудачу»	512
31. Бунт в подразделении 8200	524
32. Собирая анемоны	536
33. Радикальный фронт	560
34. Убить «Мориса»	581
35. Великолепный тактический успех, чудовищный стратегический провал	602
Благодарности	623
Примечания	627
Источники и библиография	720

ОБ ИСТОЧНИКАХ

Израильское разведывательное сообщество ревностно хранит свои тайны. Их почти полная закрытость обеспечивается сложной системой законов и инструкций, строгой военной цензурой, запугиванием, допросами и уголовным преследованием журналистов и их источников, равно как и естественной солидарностью и лояльностью личного состава израильских спецслужб.

Все попытки заглянуть за кулисы до сих пор были в лучшем случае лишь эпизодическими.

Может возникнуть законный вопрос: как же тогда писать книгу об одной из самых секретных организаций на земле?

Попытки убедить израильский оборонный истеблишмент содействовать исследованиям по теме этого проекта не дали результата¹. Требования к спецслужбам Израиля подчиниться действующим законам и передать в Государственный архив исторические документы, а также разрешить публикацию материалов, которым исполнилось 50 лет, были встречены гробовым молчанием. Поданная в Верховный суд петиция о принуждении спецслужб к подчинению действующим законам рассматривалась на протяжении многих лет при явном соучастии в этом самого суда². Дело закончилось изменением закона: период хранения секретных материалов был увеличен с 50 до 70 лет — дольше, чем существует государство Израиль.

Оборонный истеблишмент тоже не сидел сложа руки³. Еще в 2010 году, до подписания контракта на эту книгу, в оперативном подразделении «Мос-

сада» — «Кесарии» — состоялось специальное совещание, посвященное поиску способов срыва моих исследований. Всем бывшим сотрудникам «Моссада» были разосланы письма, предостерегающие от дачи мне интервью, а с особенно «трудными» проведены индивидуальные беседы. Позднее, в 2011 году, начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля (АОИ) генерал-лейтенант Габи Ашкенази обратился к общей службе безопасности Шин Бет с просьбой о принятии жестких мер, заявив, что я совершил акт «грубого шпионажа», получив в свое распоряжение секретные материалы и «используя их для того, чтобы оклеветать» его «персонально». С тех пор различными ведомствами было предпринято несколько попыток сорвать публикацию этой книги или хотя бы значительных ее частей.

Главный военный цензор страны требует от израильских СМИ употребления формулировки «согласно иностранным публикациям» при каждом упоминании о секретных операциях израильской разведки, прежде всего о так называемых целевых убийствах. Это делается с целью доведения до общественности мысли, что само существование публикации не является официальным признанием ответственности Израиля за ту или иную акцию. Значит, и эта книга должна восприниматься как «иностранная публикация», содержание которой никогда не подтверждалось Израилем официально.

Ни одно из тысячи интервью, на которых основана эта книга — данных самыми разными людьми от политических лидеров и руководителей спецслужб до простых оперативников, — никогда не получало одобрения военной элиты Израиля⁴. Большинство интервьюируемых названы по именам. Другие по понятным причинам опасались обнародования личных данных и поэтому фигурируют под инициалами или псевдонимами в дополнение к тем деталям, которые я мог о них сообщить, не раскрывая их личностей.

В работе я использовал тысячи документов, которые были переданы мне этими людьми. Данные из них впервые приведены в этой книге. Мои источники никогда не получали разрешения на вынос документов с места работы, а тем более разрешения на передачу их мне. Так что эта книга максимально далека от того, чтобы быть официальной историей израильской разведки.

Так почему же все-таки источники беседовали со мной и предоставляли документы? У каждого был свой мотив, и зачастую личная судьба человека оказывалась такой же интересной, как содержание данного им интервью. Понятно, что политики и руководители разведки — те категории профессионалов, которые отлично умеют манипулировать людьми и обманывать их, — пытались использовать меня как канал распространения их собственных версий событий или формирования исторических картин, которые их устраивали. Я старался противодействовать этим попыткам, многократно

перепроверяя полученные данные через другие доступные мне письменные и устные источники.

Однако мне кажется, что у интервьюируемых мною людей был и другой мотив, связанный со свойственным израильтянам противоречием. С одной стороны, почти все в стране, имеющее отношение к разведке и национальной безопасности, считается «совершенно секретным». С другой стороны, каждый хочет рассказать о своих свершениях. Действия, в которых граждане других стран считают постыдным признаваться, являются предметом гордости израильтян, поскольку в их коллективном сознании существует императив национальной безопасности, необходимый для защиты находящихся под угрозой сограждан, если не всего государства, живущего в условиях войны.

С течением времени «Моссаду» удалось заблокировать для меня доступ к некоторым моим источникам (в большинстве случаев после того, как я побеседовал с ними). Многие из тех, с кем я познакомился ранее, уже умерли, преимущественно от естественных причин. Сведения, которыми эти мужчины и женщины (свидетели или участники важных исторических событий) поделились со мной для этой книги, фактически являются единственными существующими за пределами секретных архивов Израиля.

В некоторых случаях это вообще единственные сведения.

ПРОЛОГ

Меир Даган, глава израильской разведки «Моссад», легендарный разведчик и киллер, вошел в комнату, опираясь на трость.

Он пользовался ею с тех пор, как был ранен миной палестинских террористов, с которыми сражался в секторе Газа в 1970-х годах, еще молодым офицером спецподразделения. Даган неплохо разбирался в силе мифов и символов, поэтому не пытался дезавуировать слухи о том, что в трости спрятан клинок, который он мог обнажить одним нажатием на кнопку.

Даган был небольшого роста и настолько смугл, что люди всегда удивлялись, что у него имеются польские корни. У него большой выпирающий живот. На данное мероприятие глава «Моссада» оделся в простую рубашку с открытым воротом, легкие черные брюки и черные туфли. Создавалось впечатление, что он совсем не уделяет внимания внешности. Однако весь его облик излучал несомненную уверенность в себе и спокойную, временами грозную харизму.

Конференц-зал, в который Даган вошел во второй половине дня 8 января 2011 года, находился в академии «Моссада» к северу от Тель-Авива. Впервые за всю историю руководитель израильской разведки встречался с журналистами в сердце одного из самых охраняемых и секретных объектов.

Даган не любил средства массовой информации¹. «Я пришел к выводу, что СМИ — ненасытный монстр, — говорил мне позднее Даган, — поэтому нет никакого смысла поддерживать с ними отношения». Тем не менее за три дня до встречи я и ряд других корреспондентов получили конфиденциаль-

ные приглашения. Я был удивлен. В течение почти десятка лет я жестко критиковал «Моссад» и в особенности Дагана, что его очень злило².

В «Моссаде» сделали все возможное, чтобы придать мероприятию атмосферу «плаща и кинжала». Нам велели приехать на парковку около комплекса кинотеатров Cinema City, расположенного неподалеку от штаб-квартиры «Моссада», и оставить в машинах все вещи, кроме записных книжек и пишущих принадлежностей. «Вас будут тщательно обыскивать, и мы хотим избавить вас от неприятностей», — пояснили наши сопровождающие. С парковки на автобусах с тонированными стеклами нас привезли в академию «Моссада». Мы прошли через несколько автоматических турникетов, мимо электронных табло, указывающих, что разрешено, а что нет проносить внутрь комплекса. Последовало сканирование металлоискателями, чтобы убедиться, что мы не захватили с собой аудио- или видеозаписывающую аппаратуру. Мы направились в конференц-зал, куда через несколько минут вошел Даган, который обошел нас и пожал руки. Когда он приблизился ко мне, он крепко ухватил мою руку на несколько мгновений и сказал с улыбкой: «Вы действительно немного похожи на бандита».

Даган сел. Рядом с ним находились пресс-секретарь премьер-министра Биньямина Нетаньяху и главный военный цензор — женщина в звании бригадного генерала. («Моссад» является организацией, подчиняющейся напрямую премьер-министру, и по национальному законодательству изложение информации о любой ее деятельности подлежит цензурскому контролю.) Оба эти чиновника были уверены, что Даган собрал пресс-конференцию только для того, чтобы попрощаться с людьми, которые писали о нем в течение срока его полномочий, и что он ничего не скажет по существу.

Они ошибались. На лице пресс-секретаря премьер-министра отразилось удивление, а по мере того, как Даган говорил, глаза чиновника все больше округлялись.

«Есть определенные преимущества в том, что у человека иногда болит спина, — начал Даган свое выступление. — По крайней мере, врач выпишет вам подтверждение, что вы не бесхребетный». Очень быстро мы поняли, что это не очередной афоризм — Даган разразился ожесточенными нападениями на премьер-министра Израиля. Биньямин Нетаньяху, заявил Даган, поступает безответственно и в угоду своим эгоистическим интересам ведет страну к катастрофе. «Если человек выбран на пост премьера, это еще не означает, что он умен» — таков был один из выпадов Дагана в адрес Нетаньяху.

В этот день истек срок полномочий Дагана в качестве директора «Моссада». Нетаньяху указал ему на дверь, и Даган, заветной мечтой которого

было дослужиться до поста шефа «Моссада», не собиравшись сидеть сложа руки. Острый кризис доверия между двумя политиками разразился вокруг двух вопросов, каждый из которых был тесно связан с с излюбленным методом Меира Дагана — политическим убийством.

За восемь лет до этого Ариэль Шарон назначил Дагана на пост руководителя «Моссада» и поручил ему срыв иранской программы разработки атомного оружия, которую они оба рассматривали как угрозу существованию государства Израиль. Для выполнения поставленной задачи Даган действовал разными методами. Он считал, что наиболее трудным, но и наиболее эффективным способом из всех возможных была идентификация иранских ученых-атомщиков и специалистов-ракетчиков, установление места их пребывания и уничтожение. «Моссад» определил 15 таких целей, из которых ликвидированы были шестеро человек, главным образом утром по пути на работу. Убийства были произведены при помощи бомб с коротким периодом замедления, которые устанавливались на машинах жертв мотоциклистами. В довершение всего в своей штаб-квартире был взорван генерал Корпуса стражей исламской революции*, который возглавлял ракетный проект. Вместе с ним погибли и 17 его сотрудников.

Все эти операции увенчались успехом, но премьер Нетаньяху и его министр обороны Эхуд Барак почувствовали, что действенность таких методов снижается. Они пришли к выводу, что иранскую ядерную программу больше нельзя эффективно сдерживать тайными операциями и что только массированные воздушные бомбардировки иранских атомных объектов способны остановить Иран на пути к созданию ядерного оружия.

Даган был категорически против этой идеи. Это был удар по всему, во что он верил: открытые военные действия должны использоваться только тогда, когда «меч приставлен к нашему горлу», то есть в качестве крайней меры, когда нет иного выхода. Во всех остальных случаях проблемы можно и нужно решать при помощи секретных операций.

«Политические убийства, — говорил Даган, — воздействуют на моральный дух противника и дают практический эффект. Я не думаю, что в истории было много людей, которые смогли бы полноценно заменить Наполеона, президента Рузвельта, или премьер-министра Черчилля. Роль личности в истории определенно велика. Верно, что незаменимых людей нет, но есть разница между заменой, наделенной мужеством, и какой-то бледной тенью».

* Корпус стражей исламской революции — иранское военно-политическое формирование, объявленное в ряде стран террористической организацией. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

Более того, по мнению Дагана, использование политических убийств является «гораздо более моральным», чем вступление в полномасштабную войну. Нейтрализации нескольких ключевых фигур может оказаться вполне достаточно для того, чтобы избежать войны и спасти жизни огромного количества солдат и гражданских лиц с обеих воюющих сторон. Массированная военная атака на Иран приведет к масштабному конфликту на Ближнем Востоке, и при этом, скорее всего, не нанесет значительного ущерба иранским ядерным объектам.

И наконец, с точки зрения Дагана, если Израиль начнет войну против Ирана, то это станет приговором всей его карьере. В книгах по истории будет написано, что Даган не выполнил задачу, которую поручил ему Шарон: используя секретные методы и не прибегая к открытому нападению, сорвать создание Ираном ядерного оружия.

Противодействие Дагана военному конфликту с Ираном и давление со стороны элиты армии и спецслужб заставили Израиль несколько раз откладывать удар по Ирану. Даган даже проинформировал директора ЦРУ Леона Панетту об израильских планах (хотя израильский премьер утверждал, что это было сделано без его разрешения), и вскоре американский президент Обама предупредил Нетаньяху о том, что не следует атаковать Иран.

Напряженность в отношениях между Даганом и Нетаньяху усилилась в 2010-м — на седьмом году срока полномочий шефа «Моссада»³. Даган отправил группу из 27 оперативников «Моссада» в Дубай с заданием физически устранить одного из высших руководителей палестинской террористической организации ХАМАС*. Группа выполнила задачу: в номере отеля, где проживал палестинец, ему было введено нервно-паралитическое вещество. Группе удалось покинуть Дубай еще до того, как труп был обнаружен. Однако вскоре после бегства оперативников из-за совершенных ими грубых ошибок — они забыли о том, что в Дубае везде установлены камеры видеонаблюдения; предъявили те же фальшивые паспорта, которые задействовали для въезда в страну; пользовались мобильной связью, и их переговоры были быстро расшифрованы местной полицией — весь мир увидел их лица и наблюдал за всеми их передвижениями. Обнародование факта, что все это представляло собой операцию «Моссада», нанесло мощный удар по имиджу организации и привело к глубочайшему смятению в Израиле, который был

* ХАМАС признан террористической организацией Израилем, Канадой, США, Японией и Европейским Союзом, также его деятельность запрещена в Иордании и Египте. В ряде стран террористическим признается только радикальное крыло ХАМАС.

вновь уличен в использовании поддельных паспортов дружественных стран Запада для своих агентов. «Вы ведь утверждали, что это будет легко и просто и что риск возникновения непредвиденных ситуаций практически нулевой». Нетаньяху был зол на Дагана и приказал ему отложить планы секретных убийств и других операций до особого уведомления.

Конфликт между Нетаньяху и Даганом становился все острее. В результате премьер-министр (по его версии) отказался продлевать срок полномочий Дагана или (по словам Дагана): «Я просто устал от него и решил уйти в отставку».

На брифинге в академии «Моссада» и в ряде интервью, данных во время написания этой книги, Даган выражал твердую уверенность в том, что под его руководством «Моссад» был способен сорвать попытки иранцев создать атомное оружие — путем убийств и других целенаправленных мероприятий (например, в сотрудничестве с США лишить иранцев возможности импортировать ключевые компоненты для атомной программы, которые они не могли произвести сами). «Если мы сможем помешать Ирану получить некоторые компоненты, это нанесет серьезный ущерб их проекту. В обычной автомашине около 25 000 комплектующих. Представьте себе, что отсутствует хотя бы сотня из них. Заставить такую машину ехать будет очень сложно».

«С другой стороны, — добавил Даган с улыбкой, возвращаясь к своему любимому *modus operandi* (способу действий), — иногда наибольшего эффекта можно достичь, убив водителя, и только».

Из всех способов, с помощью которых демократии обеспечивают свою безопасность, нет более чреватого опасностями и противоречивого, чем «убить водителя», — то есть политического убийства.

Некоторые употребляют эвфемизм «ликвидация». Американские спецслужбы по причинам юридического свойства называют такие операции «целевое» убийство. На практике все эти термины означают одно и то же: убийство конкретного индивидуума для достижения конкретной цели — спасения жизней людей, которых объект операции намеревается убить, или предотвращения опасных действий, которые он намерен совершить, а иногда устранения лидера для изменения хода истории.

Использование политических убийств ставит государства перед двумя очень трудными дилеммами. Первая: эффективны ли эти убийства? Может ли ликвидация индивидуума или группы людей сделать наш мир безопаснее? Вторая: оправданны ли такие убийства с моральной и юридической точек зрения? Допустимо ли для страны в этическом и правовом плане использо-

вание самого тяжкого преступления — предумышленного лишения человека жизни — в целях защиты своих граждан?

Эта книга повествует главным образом о политических и «целевых» убийствах, осуществленных в мирное и военное время «Моссадом» и другими структурами израильского правительства, а также (в первых главах) подпольными боевыми организациями до создания государства Израиль — организациями, которые станут армией и разведывательными службами государства после его возникновения.

Со времен Второй мировой войны Израиль совершил больше политических убийств, чем какая-либо другая страна Запада. В бесчисленных ситуациях лидеры Израиля, размышляя, как лучше обеспечить безопасность страны, вновь и вновь из всех вариантов выбирали секретные операции, в которых предусматривалось политическое убийство. Они верили, что таким образом будут решены сложные проблемы, стоящие перед государством, а иногда и изменен ход истории. Во многих случаях руководители Израиля даже допускали, что для устранения заранее намеченной цели вполне законно и морально создание угрозы жизням невинных гражданских лиц, которые могут оказаться на линии огня. Они верили, что это необходимое зло.

Цифры говорят сами за себя⁴. Еще до начала второй палестинской интифады, в сентябре 2000 года, когда Израиль впервые начал отвечать на подрывы смертников ежедневным использованием боевых дронов для совершения убийств, государство осуществило около 500 «целевых» ликвидаций. В ходе них было убито около 1000 человек — и боевиков, и гражданских лиц. Во время второй интифады Израиль провел еще около 1000 подобных операций, 168 из которых увенчались успехом⁵. С тех пор, вплоть до момента написания этой книги, Израиль совершил еще около 800 операций по «целевым» убийствам; почти все они стали частью боевых действий против ХАМАС в секторе Газа в 2008, 2012 и 2014 годах или моссадовскими акциями на Ближнем Востоке против объектов из числа палестинцев, сирийцев и иранцев. Для сравнения: за время президентства Джорджа Буша США, по некоторым оценкам, осуществили 48 «целевых» политических убийств, а за время пребывания на посту президента Барака Обамы — 353 такие атаки⁶.

Приверженность Израиля политическим убийствам как военному инструменту не случайна. Скорее всего, она коренится в революционных и боевых традициях сионистского движения, трагедии холокоста и присутствующем у израильских лидеров и граждан страны ощущении, что ее народ живет в постоянной опасности уничтожения и что, как и во время холокоста, никто не придет к ним на помощь.

Ответом на попытки арабских государств разрушить Израиль еще до момента создания, их постоянную решимость добиться этого и вечную угрозу терроризма в стране столь малых размеров стало возникновение сильной армии и, как считают многие, одной из самых эффективных разведок в мире. Эти силовые структуры создали самую совершенную машину для политических убийств в истории.

В книге будет поднята завеса тайны, скрывающая действия этой машины, ставшей плодом своеобразного союза партизанского движения и военной мощи технологического гиганта. Будет рассказано о ее оперативниках, руководителях, методах, расчетах, успехах и неудачах, а также о нравственной цене ее операций. Эти рассказы проиллюстрируют, как в Израиле сложились две независимые юридические системы: одна для простых граждан и другая — для разведки и военной элиты. Последняя система допустила — с молчаливого согласия и одобрения правительства — вызвавшие множество проблем акты политических убийств, которые были осуществлены без рассмотрения этого вопроса парламентом или общественностью и повлекли за собой много невинных жертв.

Нельзя забывать и то, что именно метод политических убийств, опирающийся на разведку, оцененную как «по меньшей мере великолепная» — если процитировать бывшего директора Национальной разведки США и ЦРУ генерала Майкла Хейдена, — сделал войну Израиля с террором самой эффективной из всех, которые когда-либо велись западными странами. Во многих случаях именно политические убийства спасали Израиль от серьезных кризисов.

«Моссад» и другие спецслужбы Израиля покончили со многими людьми, которые были определены как прямая угроза национальной безопасности. Их ликвидация послала всем важное послание: *если ты враг Израиля, мы найдем и убьем тебя, где бы ты ни находился*. Нет сомнения в том, что это послание было услышано во всем мире. Случавшиеся время от времени ошибки только усилили репутацию «Моссада» как агрессивной и безжалостной организации в условиях, когда задача сдерживания настолько же важна, как и задача предотвращения конкретных враждебных акций.

Не все политические убийства осуществлялись небольшими закрытыми группами. Чем сложнее становились операции, тем больше людей в них участвовало — иногда их число доходило до сотен, причем большинству участников не было и 25 лет. Иногда эти молодые люди со своими командирами приходили на встречу с премьер-министром — только он мог дать зеленый свет конкретному убийству — для того, чтобы дать пояснения по мероприятию и получить окончательное одобрение. Такие форумы, на которых боль-

шинству из участников, жаждущих чьей-то смерти, меньше 30 лет, вероятно, уникальны для Израиля. Некоторые из младших офицеров, когда-то принимавших участие в таких встречах, с течением времени сами стали лидерами страны и даже премьер-министрами. Какой отпечаток наложило на них участие в карательных операциях?

В США методы сбора разведывательной информации и техника выполнения «целевых» убийств, разработанные в Израиле, взяты за образец. После 11 сентября 2001 года и принятия президентом Бушем решения начать кампанию «целевых» убийств против «Аль-Каиды»^{*} Америка внедрила некоторые из этих методов в свои разведывательные и антитеррористические структуры. Системы управления и контроля, ситуационные «военные» комнаты, методы сбора информации, технологии беспилотников, или дронов, которые сегодня служат американцам и их союзникам, в значительной мере были разработаны в Израиле.

Сегодня, когда тактика убийств без суда и следствия, применявшаяся Израилем в течение десятилетий, ежедневно используется Америкой против ее врагов, уместно не только воздать должное оперативным возможностям, которые создал Израиль, но и исследовать ту высокую моральную цену, которая была заплачена и до сих пор платится за использование этой силы.

*Ронен Бергман
Тель-Авив*

^{*} «Аль-Каида» («База») входит в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Деятельность организации запрещена на территории России.

1

В КРОВИ И ОГНЕ

29 сентября 1944 года Давид Шомрон прятался во мраке улицы Св. Георгия, недалеко от романской церкви в Иерусалиме. Здания церкви использовались в качестве офицерских общежитий британскими властями, управлявшими Палестиной. Шомрон ждал, пока из здания выйдет Том Уилкин — один из английских офицеров.

Уилкин был начальником подразделения, которое занималось евреями, в Департаменте уголовных расследований (CID) британской администрации, которая управляла Палестиной по мандату Лиги Наций¹. Уилкин хорошо справлялся со своей работой, особенно в том, что касалось проникновения и подрыва изнутри раздробленного еврейского подполья. Агрессивный, спокойный и расчетливый, Уилкин хорошо говорил на иврите и после 13 лет службы в Палестине располагал широкой сетью осведомителей. Благодаря информации, которой они снабжали Уилкина, многие подпольщики были арестованы, тайники с оружием захвачены, а операции, направленные на то, чтобы заставить англичан покинуть Палестину, провалены².

Именно за это Шомрон собирался убить его.

Шомрон и его напарник Яков Банай (псевдоним Мазал — «Удача») были оперативниками организации «Лехи», самого радикального из подпольных сионистских движений, которые сражались с британцами в начале 1940-х годов. Членов «Лехи» (сокращённое от Лохамей Херут Исраэль (*ивр.*) — «Борцы за свободу Израиля») англичане считали просто террористами и уничтожительно называли «банда Штерна», имея в виду ее основа-

теля, ультранационалиста-романтика Авраама Штерна. Штерн и небольшая группа его последователей использовали кампанию заранее намеченных политических убийств и взрывов — кампанию «персонального террора», как называл ее руководитель оперативного крыла «Лехи» (а позднее премьер-министр Израиля) Ицхак Шамир³.

Уилкин знал, что является целью⁴. «Лехи» уже пыталась убить его и его шефа Джеффри Мортон. 20 января 1942 года убийцы установили бомбы на крыше и внутри дома по адресу улица Яэль, 8 в Тель-Авиве. Вместо намеченных жертв бомбами были убиты трое полицейских, двое евреев и один англичанин, которые прибыли раньше Уилкина и Мортон. Позже Мортон уехал из Палестины, получив ранение во время другого покушения — на этот раз в качестве мести за то, что застрелил Штерна.

Ничто из этих деталей — последовательность событий, кто кого убил и в каком порядке — не имело для Шомрона никакого значения⁵. Британцы оккупировали землю, которую сионисты считали по закону своей, — вот это имело значение, и Шамир одобрил смертный приговор в отношении Уилкина.

Для Шомрона и его товарищей Уилкин был не человеком, а целью — заветной и ценной. «Мы были слишком заняты и голодны для того, чтобы размышлять об англичанах и их семьях», — скажет Шомрон спустя десятилетия⁶.

Узнав, что Уилкин живет в пристройке к романской церкви, киллеры приступили к выполнению своей миссии. У Шомрона и Мазала в карманах были револьверы и гранаты. Вокруг предполагаемого места покушения находились другие бойцы «Лехи», одетые в костюмы и шляпы, чтобы выглядеть как англичане.

Уилкин вышел из общежития в церкви и направился в Департамент уголовных расследований, находившийся на Русском подворье, где содержали и допрашивали арестованных участников подполья⁷. Как всегда, он был внимателен, во время движения сканировал взглядом всю улицу и постоянно держал руку в кармане. Когда он проходил угол улиц Св. Георгия и Меа-Шеарим, молодой человек, сидевший рядом с бакалейной лавкой, поднялся и уронил шляпу. Это был сигнал, и два боевика начали двигаться по направлению к Уилкину, идентифицировав его по фотографиям, которые заранее изучили. Шомрон и Мазал пропустили Уилкина вперед, сжимая в карманах револьверы.

Потом оглянулись по сторонам и достали оружие.

«Мазал сказал: “Дай мне выстрелить первым”, — вспоминал Шомрон. — Но когда мы увидели Уилкина, я не мог сдерживать себя. И выстрелил пер-

вым». Всего Мазал и Шомрон стреляли в Уилкина 14 раз. «Он умудрился повернуться и вытащить пистолет, — сказал Шомрон, — затем упал лицом вперед. Из его лба вырвалась струя крови, словно фонтан. Это была не очень приятная картина».

Шомрон и Мазал бросились назад в тень и быстро уехали на такси, в котором их ожидал другой боевик «Лехи».

«Единственное, что расстроило меня тогда, это то, что мы забыли забрать у Уилкина портфель, в котором были документы, — сказал Шомрон. — Помимо этого, я не испытывал ничего, ни малейшего чувства вины. Мы верили: чем больше гробов будет отправлено в Лондон, тем ближе станет для нас день свободы»⁸.

Идея того, что возвращение народа Израилева на землю Израиля может быть достигнуто только силой, зародилась не у Штерна и его товарищей по «Лехи».

Фундамент этой стратегии был заложен на встрече восьми мужчин, собравшихся 29 сентября 1907 года в Яффе в тесной и душной однокомнатной квартирке с окнами на апельсиновую рощу⁹. Это произошло за тридцать семь лет до того, как фонтан крови извергнулся из головы Уилкина, а Палестина еще была частью Оттоманской империи. Квартирку арендовал Ицхак Бен-Цви, молодой русский еврей, эмигрировавший в Оттоманскую Палестину в начале того года. Как и другие участники встречи — все иммигранты из России, расположившиеся на соломенных подстилках и освещенные свечами, — Бен-Цви был убежденным сионистом, но принадлежал к радикальному крылу, которое угрожало расколом движения.

Сионизм как политическая идеология возник в 1896 году, когда журналист из Вены Теодор Герцль опубликовал книгу «Еврейское государство» (The Jewish State). Большое впечатление на него произвело присутствие в качестве журналиста на суде над Альфредом Дрейфусом, армейским офицером еврейского происхождения, который был несправедливо обвинен и осужден за измену.

В своей книге Герцль утверждал, что антисемитизм настолько глубоко проник в европейскую культуру, что евреи могут достичь подлинной свободы и безопасности только в собственном государстве. Еврейская элита Западной Европы, добившаяся для себя комфортной жизни, в большинстве своем отвергла Герцля. Однако его идеи нашли благодатную почву среди бедных трудящихся евреев Восточной Европы, страдавших от погромов и угнетения, на которые некоторые из них отвечали, примыкая к выступлениям сторонников левых партий.

Сам Герцль видел в Палестине, родине предков современных евреев, идеальное место для создания будущего еврейского государства. Однако заявлял, что если еврейский народ хочет жить в мире, расселение евреев на этой земле должно осуществляться очень осторожно и деликатно, с помощью соответствующих дипломатических средств и с санкции международного сообщества. Взгляды Герцля стали известны как *политический* сионизм.

Напротив, Бен-Цви и семь его товарищей, как и большинство евреев — выходцев из России, были *практическими* сионистами¹⁰. Вместо того чтобы ждать, когда остальной мир даст им дом, они верили в необходимость строить его самим — ехать в Палестину, работать на земле, заставив расцвести пустыню. Они хотели взять то, что считали принадлежащим им по праву, и готовы были защищать то, что возьмут.

Это немедленно вызвало конфликт между практическими сионистами и евреями, которые уже жили в Палестине. Составляя этническое меньшинство в арабском мире — многие из них были мелкими торговцами или теологами, а также исполняли функции чиновников низкого ранга в Османской империи, — они предпочитали вести себя незаметно. Услужливостью, готовностью к компромиссам и взятками укоренившиеся в Палестине евреи смогли выторговать себе относительный мир и некоторую долю безопасности.

Однако Бен-Цви и другие новоприбывшие были поражены теми условиями, которые терпели их единоверцы — евреи. Многие жили в крайней нищете и не имели средств, чтобы защитить себя, находясь полностью во власти арабского большинства и продажного чиновничества коррумпированной Османской империи¹¹. Толпы арабов нападали и грабили еврейские поселения, чаще всего оставаясь безнаказанными. Еще хуже было то, что некоторые еврейские поселения поручали свою защиту арабским охранникам, зачастую сотрудничавшим с нападавшими толпами.

Бен-Цви и его друзья сочли такое положение неприемлемым и нетерпимым. Некоторые из них были в прошлом членами российских левых революционных движений, воодушевленных «Народной волей», а также агрессивных антимоноархических подпольных организаций, использовавших террористическую тактику, в том числе и политические убийства¹².

Разочарованные захлебнувшейся революцией 1905 года в России, которая в итоге дала лишь минимум конституционных реформ, некоторые из этих социалистов-революционеров, социал-демократов и либералов переехали в Османскую Палестину для того, чтобы возродить Еврейское государство.

Все они были очень бедны, еле сводили концы с концами репетиторством или ручным трудом на апельсиновых плантациях и часто голодали¹³. Но они

были гордыми сионистами. Если они собирались создать свое государство, то прежде всего должны были суметь защитить себя. Они просачивались на улицы Яффы парами или поодиночке, направляясь на тайные встречи в квартире Бен-Цви. В ту ночь восемь человек сформировали первую еврейскую боевую дружину современности. Они провозгласили, что с этого момента образ слабых и забитых евреев, разбросанных по всему миру, останется в прошлом. Только евреи могли защитить евреев в Палестине.

Они назвали свою зарождающуюся организацию «Бар-Гиора» — по имени иудейского военачальника, одного из лидеров Великого еврейского восстания против Римской империи. В символике знамени они отдали дань памяти тому восстанию и предрекли свое будущее. Надпись на их знамени гласила: «Иудея пала в крови и пламени. Из крови и пламени Иудея возродится».

Иудея действительно возродится. Бен-Цви станет вторым президентом в истории еврейского государства. Однако перед этим будет много огня и крови.

Сначала «Бар-Гиора» не представляла собой широкого народного движения. Но в период с 1905 по 1914 год в Палестину из России и Восточной Европы приезжало все больше евреев — по 35 000 ежегодно. С собой они привозили ту же полную решимость философию практического сионизма.

Поскольку все больше радикально мыслящих евреев вливалось в Ишув, как собирательно называлось еврейское население Палестины, в 1909 году «Бар-Гиора» трансформировалась в более крупную и агрессивную организацию «Ха-Шомер» («Стражник» на иврите). К 1912 году «Ха-Шомер» обеспечивала защиту 14 поселений. Наряду с этим организация развивала в своих недрах наступление, пусть и тайное, готовясь к тому, что практические сионисты видели как неизбежную войну за контроль над Палестиной. «Ха-Шомер» позиционировала себя как ядро будущей еврейской армии и разведывательных служб.

Оседлав коней, бойцы «Ха-Шомер» осуществляли рейды по арабским поселениям, чтобы наказать тех жителей, которые обидели евреев¹⁴. Иногда они их избивали, а иногда казнили. В одном случае специальное тайное собрание членов «Ха-Шомер» приняло решение ликвидировать бедуинского полицейского Арефа аль-Арсана, который помогал туркам пытать еврейских заключенных. Он был застрелен боевиками «Ха-Шомер» в июне 1916 года.

Впрочем, «Ха-Шомер» не отказывалась от применения силы и по отношению к другим евреям¹⁵. Во время Первой мировой войны «Ха-Шомер» агрессивно противостояла НИЛИ, еврейской шпионской сети, которая